

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Факультет права
Бурятский государственный университет

СОЦИОЛОГИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Сборник статей
Том II

Москва
Юстиция
2015

Сборник статей

**Социология уголовного
права. Сборник статей. Том II**

«Юриспруденция»

2013

УДК 343.2/.7(063)
ББК 60.56

Сборник статей

Социология уголовного права. Сборник статей. Том II /
Сборник статей — «Юриспруденция», 2013

В сборнике представлены работы ученых, принявших участие в I Международной научно-практической конференции «Социология уголовного права: проблемы и тенденции развития», проведенной совместно и Бурятским государственным университетом и факультетом права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в г. Улан-Удэ 21–22 сентября 2012 г.. Сборник предназначен для научных работников и преподавателей, аспирантов и студентов, изучающих уголовное право, криминологию и социологию права, практических специалистов, а также всех, кого интересуют проблемы социологии уголовного права.

УДК 343.2/.7(063)
ББК 60.56

© Сборник статей, 2013
© Юриспруденция, 2013

Содержание

Раздел I. Криминологические проблемы и социология уголовного права	6
Басова Т. Б. О некоторых социальных причинах коррупционных преступлений и мерах по их устранению	6
Данилова З. А. Основные подходы в изучении девиантного поведения	10
Салыгина Ю. Г. Оценка восприятия коррупции и коррупционных рисков как социолого-правовые инструменты противодействия коррупции	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Социология уголовного права. Сборник статей. Том II

Редакционная коллегия:

Г. А. Есаков, С. А. Маркунцов, В. М. Мельников, А. Н. Мяханова, Э. Л. Раднаева, Е.
Н. Салыгин, Ю. В. Хармаев.

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013

© Бурятский государственный университет, 2013

Раздел I. Криминологические проблемы и социология уголовного права

Басова Т. Б. О некоторых социальных причинах коррупционных преступлений и мерах по их устранению

*Басова Т. Б. – д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного
права Дальневосточного федерального университета*

Серьезным тормозом развития России выступает коррупция и другие преступные проявления в деятельности должностных лиц аппарата публичной власти. На протяжении многих лет руководство страны в своих выступлениях неоднократно подчеркивало, что «... корни коррупции находятся в самих изъянах устройства экономической и административной жизни государства, подпитываются некачественным законодательством и распространяются при отсутствии эффективного контроля за деятельностью должностных лиц, органов государственной и муниципальной власти».¹

Немаловажная роль в преодолении такого опасного социально-правового явления как коррупции отводится нормативно-правовой основе. Так, в целях установления основных принципов противодействия коррупции, правовых и организационных основ предупреждения коррупции и борьбы с ней, минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений были приняты Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и Национальная стратегия противодействия коррупции, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460. Каждые два года принимаются Национальные планы противодействия коррупции.

Казалось бы, нормативно-правовые средства способны содействовать достижению одной из главных целей современной государственной политики – созданию такого аппарата публичной власти, который наилучшим образом обеспечит решение трудностей, порождаемых данной конкретно-исторической обстановкой. Однако действенного результата нет. Коррупционные преступления в современных условиях получили широкое распространение. За последние десять лет число коррупционных преступлений выросло почти в два раза. К примеру, в 2011 г. Следственным комитетом РФ рассмотрено 31251 сообщение о коррупционных преступлениях, по результатам возбуждено 11465 уголовных дел.² Кроме того, коррупционные преступления, по мнению специалистов, обладают высоким уровнем латентности, который составляет не менее 95–99 %.³ Отсюда очевидна необходимость исследования актуальных аспектов противодействия коррупционным преступлениям.

В последнее десятилетие коррупционные преступления достаточно активно изучаются специалистами с самых разных сторон. Вместе с тем представляется необходимым развивать междисциплинарный подход к исследованию обозначенной темы, дополняя уго-

¹ См., например: из выступления В. В. Путина 12 января 2004 г. на первом заседании Совета по борьбе с коррупцией при Президенте РФ по борьбе с коррупцией.

² Данные получены: Состояние преступности в Сибирском федеральном округе (по данным на 1 января 2011 г.): аналитический обзор и прогноз / Под ред. Д. Д. Невирко. – Красноярск, 2011. С. 71.

³ Там же. С. 62.

ловно-правовой аспект изучения коррупционных преступлений исследованием этих общественно опасных деяний с позиции социологии преступности.

Программирование противодействия коррупционным преступлениям необходимо базировать не только на анализе их проявления, но важно, прежде всего, понять причины этих преступных проявлений, а лишь тогда формировать целенаправленные меры по борьбе с ними.

В ходе организации противодействия коррупционным преступлениям надлежит выявить и воздействовать, прежде всего, на причины, которые их порождают, обуславливают и способствуют распространению.

Итак, между этапом познания, оценки преступности и этапом организации борьбы с ней обязателен этап выявления детерминации и причинности преступности. Воздействовать необходимо в первую очередь на то, что порождает, обуславливает преступность и ее развитие. Поэтому в настоящей публикации остановимся на выявлении социальных причин коррупционных преступлений и попытаемся предложить меры по их устранению.

Социологии преступности известны различные концепции причин преступности, из них интересным применительно к предмету исследования представляется социологическое направление, родоначальником которого признан А.-Ж. Кетле. Ученый полагал, что существование преступности порождено стабильно действующими социальными явлениями, способствующими или препятствующими ей. Не изменив социальных условий, вызывающих к жизни преступления, тщетно было бы пытаться радикально повлиять на преступность.⁴

Изучение специальной литературы показывает, что не только в России, но и за рубежом идут многолетние дискуссии по поводу причин, вызывающих коррупционные преступления. Вполне закономерно специалисты делают основной акцент на наличии социально-экономических, а также политических предпосылок столь широкого распространения коррупционных преступлений.

Как представляется, социальные причины коррупционных преступлений в современной России следует искать, помимо названных, в двух ключевых сферах:

- общественного сознания;
- диалога между властью и населением.

Наблюдается глубокий кризис в общественном сознании россиян. Крах советской идеологии вызвал хаос в умонастроениях широких слоев населения, а продолжающийся кардинальный пересмотр ценностных ориентиров только усугубляет это угрожающее обществу состояние.

Так, в обстановке сохраняющегося идеологического и духовного вакуума многие люди чувствуют себя обманутыми и брошенными, что, в свою очередь, порождает у подавляющего большинства граждан полное безразличие к проблемам государства и общества.

Затяжной экономический кризис, затронувший все мировое пространство, включая Россию, способствует разочарованию широких кругов населения в переходе к жизни в условиях рыночной экономики. Надежды россиян на ускоренное социально-экономическое развитие и существенный рост благосостояния рушатся с каждым днем. Не в силах самостоятельно разобраться в объективных причинах этого значительная часть граждан обвиняет во всем руководство государства.

Этому способствуют и особенности общественной психологии, которая сформировалась еще в советский период, но, несмотря на то, что минуло четверть века, мало изменившаяся в современный период. Ведь не одно поколение граждан России воспитано в духе

⁴ Подробнее о концепции социального детерминизма А.-Ж. Кетле см.: Герцензон А. А. Введение в советскую криминологию. – М., 1965.

того, что государство обязано заботиться о человеке всегда и во всем. Те многочисленные социальные гарантии в различных сферах (образования, здравоохранения и др.), к которым граждане привыкли в советское время, ушли в небытие. Российское государство в современных условиях объективно уже не имеет прежних возможностей оказывать столь масштабную социальную поддержку, а граждане морально не готовы к тому, что они должны заботиться о себе сами и в меньшей степени рассчитывать на государство.

Регулирование общественных отношений в постсоветский период не имело четко установленных норм и правил, что способствовало возникновению возможности у тех, кто был наделен властью, решать тот или иной вопрос «за мзду». Кроме того, ни для кого не секрет, что в силу исторически сложившейся практики коррупционные отношения в нашем государстве существовали всегда и соответственно опыт решения социальных и экономических потребностей в обход закона у россиян имелся: достаточно вспомнить распространенное выражение советских времен – «рука руку моет».

Другой сферой, где следует искать социальные причины коррупционных преступлений в современной России – это диалог между властью и населением. Необходимо открыто признать, что в России он до сих пор отсутствует. По этому поводу много провозглашается, но мало что сделано на самом деле. Этому есть конкретные объяснения.

Так, когда распался Советский Союз власти было не до диалога с населением: многочисленные экономические проблемы, сложные вопросы национального строительства занимали все ее внимание.

Затем, в первые годы постсоветского периода все предавалось забвению и сводилось к уходу от тоталитаризма: об идее активного участия государства в идейно-нравственной жизни населения не могло быть речи.

Проблема диалога между властью и населением не решена и поныне, а, соответственно, поддержка инициатив власти со стороны широких общественных слоев пока немыслима. И причиной тому выступает безответственность и неэффективность государства, что позволяет классу бюрократии конвертировать доверенные им права и полномочия в личное обогащение и обогащение тесно связанных с ними бизнес структур.

Между тем, несмотря на предпринимаемые усилия, коррупционная преступность достигла небывалых масштабов и грозит перерасти в пандемию. Сегодня впору вспомнить провозглашенную еще более двух столетий назад известную криминологическую формулу: каждое общество имеет тех преступников, которых оно заслуживает.⁵ Наличие такого количества коррупционеров должно, наконец, заставить задуматься власть о необходимости более глубокого осмысления как общих, так и специфических проблем социального развития государства, а, следовательно, поиска эффективных мер по их решению.

Меры по устранению социальных причин коррупционных преступлений – это разносторонние и последовательные действия государства и общества, разработка и осуществление которых способно предупреждать распространение таких социально опасных деяний.

Искоренение социальных причин коррупционных преступлений, обозначенных в настоящей публикации, предполагает выработку мер общей профилактики. Таковыми, в частности, могут стать:

– комплексная целенаправленная системная деятельность государства по формированию социальной и моральной атмосферы для адаптации общественного сознания россиян к происходящим переменам. Власть должна стать гарантом предотвращения социальных катаклизмов в России и неуклонного повышения эффективности адаптационных процессов в современном российском обществе;

⁵ Это крылатое выражение высказал в 1885 г. на I международном конгрессе антропологов в Риме французский криминолог А. Лакассань. Цит. по: Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. – М., 1985. С. 21.

– создание механизмов интенсивного и открытого информационного обмена между властью и населением. Это призвано обеспечить глубокое понимание широкой общественностью объективных и субъективных причин сложившейся к настоящему времени в России социально-экономической ситуации. Более того, интенсивное расширение диалога между населением и властью позволит укрепить демократические институты, создать условия для их устойчивого политического и экономического развития;

– сосредоточение на духовно-нравственном образовании граждан. В этой связи одной из основных государственных и общественных задач должно стать воспитание «гражданина-созидателя» с активной жизненной позицией, преданного своему обществу и государству, ответственного за свои поступки. При этом основным жизненным принципом такого гражданина должно стать не личное обогащение, а формирование высоконравственных, профессионально-этических норм поведения, осознание идеи, во имя которой проявляется готовность к достойному служению интересам своего народа.

Данилова З. А. Основные подходы в изучении девиантного поведения

*Данилова З. А. – д.с.н., профессор Байкальского института
природопользования Сибирского отделения РАН*

Современные перемены, происходящие в российском обществе, изменили образ жизни и поведение большинства населения. Наряду с позитивными изменениями в России отмечается рост социальных отклонений, негативных девиаций. Сегодня социальные отклонения рассматриваются в рамках национальной безопасности государства, поскольку их рост угрожает стабильному существованию страны, способствует деструктивным социальным отношениям.

В предлагаемом сообщении рассмотрены основные подходы в изучении отклоняющегося поведения. Различные формы девиаций в зарубежной и отечественной литературе рассматривались усилиями разных специалистов.

Объяснение природы девиантного поведения осуществляется на основе социально-психологических концепций: аномии Э. Дюркгейма, Р. Мертон, теории подражания Г. Тарда, психоанализа К. Лоренца, агрессии Э. Фромма, Дж. Долларда, теории конфликта и др. Важное методологическое значение в изучении деструктивных отклонений имеют положения Дюркгейма о поведении личности, детерминированной социальной средой: вследствие процессов дезинтеграции, выражающихся в состоянии аномии, происходит распад системы норм, которые гарантируют общественный порядок. Отсутствие четкой моральной регуляции поведения индивидов способствует росту различных форм негативных девиаций, в том числе самоубийств.⁶

В отличие от Э. Дюркгейма, рассматривающего рост девиаций в кризисном социуме, Р. Мертон изучал социальные отклонения в относительно стабильном обществе. Возникновение состояния аномии в обществе по Р. Мертону происходит вследствие нарушения равновесия между целями и социально одобряемыми средствами их достижения. В зависимости от вариантов сочетания отношения к целям и избираемым для этого средствам Р. Мертон выделяет типы поведения: конформизм, инновации, ритуализм, ретритизм, бунт.⁷

Согласно «теории подражания» Г. Тарда⁸ человек не рождается преступником, а становится им, поддаваясь заразной силе примера. Особенно внушению подвергаются подростки, у которых подражание чувственным, эмоциональным реакциям играет более важную роль, чем подражание интеллектуальным проявлениям.

Накопившаяся в человеке энергия, или агрессия, находит выход не только в виде позитивных, но и разрушительных, деструктивных импульсов. По мнению выдающегося этнолога К. Лоренца, агрессивный компонент присутствует у всех живых существ, является врожденным инстинктом в борьбе за выживание и помогает приспособливаться к окружающей среде.

Э. Фромм, рассматривая девиацию с биосоциальных позиций, критично относится к тезису о филогенетических корнях агрессии, о запрограммированности (врожденном инстинкте) в человеке деструктивного поведения. «Если мы не знаем социальный статус его (индивида – курсив наш) и его семьи в рамках общественной системы и дух этой системы, то мы не можем понять, почему некоторые черты характера такие глубинные и такие устой-

⁶ Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. – М., 1994.

⁷ Мертон Р. Социальная структура и социальная аномия. // Социологические исследования. 1992. № 2. С.118–119.

⁸ Тард Г. Законы подражания. – СПб., 1992.

чивые и так глубоко укоренились».⁹ Он приходит к выводу, что человек не является разрушителем по самой своей природе, именно история совратила его, породив в нем погибельные страсти. Присущая человеку деструктивность, по Э. Фромму, – это благоприобретенное свойство, и истоки нравственности, равно как и деструктивности, следует искать в человеческой свободе. Именно задушенная внутренняя свобода рождает синдромы насилия.

Исчерпывающий обзор теорий, разнообразных экспериментальных подходов агрессивного поведения дан в фундаментальном труде «Агрессия» Р. Бэрона и Д. Ричардсона, где особое внимание уделяется социальным детерминантам агрессии на основе многочисленных результатов исследования процесса социализации, социального научения и онтогенетического развития личности.

Авторы, в частности, утверждают, что «специфический характер межличностных взаимодействий в семьях, из которых выходят высокоагрессивные дети, приводит к постепенному, идущему как бы по расширяющейся спирали, освоению и закреплению агрессивного поведенческого стереотипа, воспроизводящегося снова и снова в разнообразных ситуациях межличностного взаимодействия».¹⁰

Р. Бэрон и Д. Ричардсон отвергают взгляды социобиологов о том, что человеческая агрессия находится вне нашего контроля, является неотъемлемым элементом человеческой натуры. Если люди «действительно обладают врожденной склонностью к агрессии, это отнюдь не означает, что агрессивное поведение обязательно должно актуализироваться».¹¹

В заключение они приходят к оптимистическому выводу об управляемости агрессивного поведения: агрессия не является абсолютно иррациональной и неуправляемой стихийной силой.

Классик психологии агрессии Л. Берковиц рассматривал влияние ситуации на агрессивное поведение, применяя лабораторные эксперименты, полевые интервью с людьми, совершившими насильственные преступления. Рассматривая внутренние психологические процессы, способствующие агрессивному поведению или ограничивающие его, Л. Берковиц убежден, что экономические и др. факторы сами по себе не приводят к отклонениям, преступлению и насилию. В частности, «бедность является фактором риска, условием, которое повышает вероятность антисоциального поведения, но не обязательно его порождает».¹² Стрессы и психические напряжения, порождаемые бедностью, существенно способствуют развитию и утверждению агрессивных наклонностей. К тому же «вероятность того, что какой-то один фактор породит в данной ситуации вспышку насилия, чрезвычайно мала. Очевидно, должно присутствовать несколько условий, чтобы они привели к нападению...».¹³

Корни деструктивного поведения следует искать и в теории конфликта, синтезирующего фрагменты различных подходов (марксизм, веберизм, структурный функционализм). Конфликтная теоретическая модель К. Маркса основана на неравенстве в обществе и негативном влиянии такого неравенства на людей, противоречиях интересов имущих и неимущих. В рамках марксовской теории аспекты экономической системы рассматриваются как важнейшие для определения природы общества и характеристики социального поведения.

Деструктивное, девиантное поведение сегодня во многом объясняется наличием резкого социального неравенства в обществе, ростом противоречий между, например, «новыми русскими» или «новыми бурятами» и значительной массой населения, живущей за чер-

⁹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1994. С. 260.

¹⁰ Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб., 1998. С. 14.

¹¹ Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб., 1998. С. 327.

¹² Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб., 2002. С. 499.

¹³ Там же.

той бедности. Однако эта теория не признает ценности солидарности и сотрудничества как способа достижения социальных перемен или общественного прогресса. Убеждение, что именно конфликт, а не сплоченность олицетворяет отношения власти между различными группами в обществе сегодня характерно для российского политического истеблишмента.

Зарубежные конфликтологи (Р. Дарендорф, Дж. Рекс, Д. Локвуд, А. Ньюби и др.) считают марксистское понимание класса, детерминирующее воздействие экономической ситуации не единственными мотивами деструктивного поведения. Отмечаются попытки синтеза экономического (К. Маркса) и культурного детерменизма (М. Вебера), развиваются положения о причинном воздействии неэкономических, идеальных факторов – ценностей, норм, традиций и т. д.

По мнению Р. Дарендорфа, чисто марксистская интерпретация конфликта с позиции классовой борьбы невозможна, поскольку класс определяется не только по отношению к производству и собственности, но и по отношению к распределению и господству. В социальном мире, по Р. Дарендорфу, действует множество групп, борющихся друг с другом, возникающих, исчезающих, создающих и разрушающих альянсы. Соглашаясь с Парсонсом, что функция власти состоит в поддержании целостности, сохранении согласованности ценностей и норм, он выделяет неинтегративный аспект власти, порождающий конфликты. «Обладающий властью или влиянием заинтересован в сохранении status quo; не обладающий ими заинтересован в их перераспределении, в изменении существующего положения».¹⁴ В целом, по Р. Дарендорфу, ролевая структура порождает одновременно и солидарные, и конфликтные интересы.

В противовес теории «социального порядка» Дж. Рекс строит собственную модель, ориентирующуюся на то, что ценностное единство перестает быть достаточным для предотвращения конфликта между личностями. Он сводит на нет значимость нормативно-ценностных аспектов жизни общества, представляя человеческую деятельность как рационально-прагматический акт. Отрицая существование целостной культуры общества как основы неформального социального контроля, Дж. Рекс описывает социальные изменения как продукт серии властных конфликтов между отдельными группами, над которыми нет ни дифференцированных социальных институтов, ни духовно-ценностных систем, осуществляющих контроль. Стабильность, по Дж. Рексу, есть следствие непрерывного конфликта и сопутствующего этому конфликту подавления недовольства низших слоев высшими.¹⁵

Социальные отклонения изучаются и с позиций депривации – неравенства доступа к социальным гарантиям, сравнения своих социальных условий с социальными условиями других индивидов или групп, теории растущих ожиданий (относительной депривации). Состояние когнитивного дисбаланса (разрыв между ожиданиями и возможностями их удовлетворения), обманутые ожидания вызывают фрустрации, депрессии, обуславливают рост социального напряжения, деструктивного поведения, ведущие при определенных условиях к социальному взрыву системы.

В мировой социологии при изучении этиологии социальных отклонений стали широко использовать интегративные концепции, в которых отражено стремление найти единое объяснение негативных девиаций. Причинно-факторные механизмы многих форм социальных отклонений взаимосвязаны между собой. В частности, преступность взаимосвязана с алкоголизмом, токсикоманией и наркотизмом, сексуальными отклонениями.

Существенный вклад в формирование данного научного направления внесли американские ученые Р. Айкерс, Ф. Пирсон, Н. Уейнер, Т. Торнберри, Д. Эллиот и др. В рамках теории «интегративной рамки» Ф. Пирсон и Н. Уейнер объяснительную модель деви-

¹⁴ Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная теоретическая социология. – СПб., 1996. С.191.

¹⁵ Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная теоретическая социология. – СПб., 1996. С. 192–194.

аций построили на теории социального научения с интеграцией концептов из наиболее важных девиантологических теорий.¹⁶ Д. Эллиот разработал интегративную модель делинквентного поведения на основе объединения теорий напряжения, контроля и социального научения. Несомненно, что применяя интегративные теории возможно выявить более глубинные мотивы девиаций.

В российской девиантологии интегративный подход при изучении девиаций фактически не применяется, в то время как многие концепты разных теорий возможно объединить. Так, из теории социального научения актуально положение о психологических механизмах освоения образцов девиантного поведения в ходе общения через подражание референтным группам. Согласно Ю. Ю. Комлеву¹⁷ весьма ценны и объяснительные возможности положений современной миротворческой и конститутивной криминологии об конвенциональности преступности и девиантности в целом.

Таким образом, детерминация современных форм социальных отклонений в рамках одной концептуальной модели не всегда является возможной и успешной. Большинство российских исследователей склонны рассматривать этиологию девиантного поведения в основном с социальных позиций. Социальная сфера, область коллективного сознания, влияет на индивида групповым принуждением, психологическим принуждением. Например, толпа вызывает у индивида сильную эмоциональную реакцию, следствием которой является его отклоняющееся от нормы поведение.

В то же время многие исследователи (физиологи, медики на основе экспериментальных исследований) считают, что на природу отдельных разновидностей отклоняющегося поведения (алкоголизм, суицид) больше влияют биологические, чем социальные характеристики индивида. Предрасположенность к этим видам негативных девиаций заложена на физиологическом, генетическом уровне и объясняется больше врожденными, чем социальными, социокультурными факторами. Мы придерживаемся точки зрения интеракционистов, полагающих, что некоторые физические и биологические характеристики наследуются человеческими существами, но на их поведение оказывает значительное влияние социальная среда.

Вышесказанное подтверждается многими психологическими, социологическими, криминологическими исследованиями, проведенными различными специалистами. Преступность это, прежде всего, – явление социальное и ее социальная природа очевидна в любом обществе, особенно в переходные периоды.

Социальная дифференциация в обществе, уровень развития культуры и политики, условия жизни людей порождают различия и противоречия в поведении людей. В отличие от других факторов, влияние духовной культуры на асоциальное и деструктивное поведение недостаточно рассматривалось российскими исследователями. Справедливо утверждает В. Н. Кудрявцев, что далеко не все элементы духовной культуры играют существенную роль при детерминации преступного поведения. Автор выделяет из всей сферы духовной культуры нравы общества или индивида: взгляды и нормы поведения, отношения между людьми, типы человеческих характеров, преобладающие ценности, потребности и интересы.¹⁸ Все перечисленные составляющие формируют позитивный или деструктивный образ жизни, ведут к согласованию или рассогласованию с развивающейся социальной средой. И если социальная среда преступна, то и преступен, антигуманен будет человек в подобной среде, окружении, поскольку любая среда формирует личность по своему образу и подобию.

¹⁶ Akers R. Criminological theories: introduction and evaluation. – Los Angeles, 1997. P. 210.

¹⁷ Комлев Ю. Ю. Исследование подростково-молодежной девиантности в рамках интегративных теорий. // Материалы II Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения». «Будущее России: стратегии развития». – М., 2005.

¹⁸ Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества. – М., 2002. С.15–16.

Развитие человеческого поступка исследователями представляется как цепочка, состоящая из звеньев: потребности – возможности их удовлетворения – мотивация поступка – его планирование – принятие решения – конкретное действие. Поведение человека в каждой из этих звеньев сопряжено с ценностями, нравами конкретного общества. Таким образом, говоря о причинах деструктивного поведения важно проанализировать неблагоприятные социальные ситуации, условия, продуцирующие негативные социальные отклонения, изучить систему ценностей, представлений и привычек, свойственных данному обществу, выделить категорию людей, реализовавших преступные варианты поведения.

Важным представляется выяснить, почему последним удается осуществлять негативные поступки, действия. Речь должна идти о эффективности социального контроля, препятствующему или напротив способствующему социальным отклонениям. Механизмы социального контроля как известно, в современном российском обществе во многом не отлажены, а правовой контроль недостаточно эффективен.

Салыгина Ю. Г. Оценка восприятия коррупции и коррупционных рисков как социолого-правовые инструменты противодействия коррупции

Салыгина Ю. Г. – к.ю.н., преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО(У)

Общепризнанной в современной науке является точка зрения, в соответствии с которой социология коррупции, как научное направление, еще не сформировалась. Ученые отмечают незначительное количество публикаций по данной тематике, сложности использования социологических методов при опросе участников коррупционных отношений, явное смещение акцентов в сторону изучения взяточников, в то время как поведение взяткодателей – обязательных субъектов коррупционных сделок, еще не стало объектом системного исследования. При этом нет сомнений в том, что коррупция – социальное явление, ее социологическое изучение неизбежно и появление социологии коррупции как отдельной отрасли социологии – дело ближайшего времени.¹⁹ Говорится также и о необходимости «развивать социологию коррупции в России как наукоемкое и практикоориентированное направление развития современной социологической теории».²⁰

Не менее важным направлением в противодействии коррупции является само выявление фактов коррупции, основанное на применении социолого-правовых методов. Особенность состояния коррупции в России на современном этапе является ее системность: распространенность во властных отношениях по вертикали – на различных ступенях иерархии власти, по горизонтали – во многих сферах государственного управления, а также в формальных и неформальных взаимодействиях органов публичной власти с гражданами, бизнесом и между собой. Всепроникающий характер коррупции неизбежно приводит государство к привлечению в качестве союзников в борьбе с ней институтов гражданского общества и бизнеса, обладающих значимыми моральными, интеллектуальными, информационными и организационными ресурсами. Важнейшими инструментами противодействия коррупции со стороны гражданского общества и бизнеса являются оценка восприятия уровня коррупции в органах государственной власти и местного самоуправления, а также выявление коррупционных рисков.

¹⁹ Сатаров Г. А. Некоторые задачи и проблемы социологии коррупции // Россия и современный мир. 2003. № 4.

²⁰ Алексеев С. В. Социология коррупции: подходы к постановке проблемы // Философия права. 2007. № 3. С. 80.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.